

Теория и методология

Перспективы экономического доминирования КНР на континенте Евразия

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011440-5

Балакин Вячеслав Иванович

Кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: prof_bvi@mail.ru.

Аннотация:

После распада биполярного мира резко возросла роль КНР в глобальных и региональных делах, что привело к теоретическим изысканиям в китайских экспертных кругах по таким важным вопросам, как государственные экономические интересы, национальная безопасность, а также геостратегия мировой и региональной торговли. Пекин выработал долгосрочный внешнеполитический курс, суть которого состоит в следующей формуле: «Умиротворить Запад, опереться на Север, бороться за Восток и Юг». Считается, что Китай, как государство восточной части Евразии, просто обязан развивать стратегические партнерские отношения с ведущими державами евроазиатского континента, такими как Германия, Россия и Индия, поскольку только находясь с ними в процессе «самостоятельной» и «совместной» трансформации, Китай способен окончательно стать главной движущей силой изменяющейся мировой системы. Мощный экономический потенциал позволяет Пекину оказывать заметное воздействие на геополитическую ситуацию в Евразии и проводить самостоятельную внешнеэкономическую политику.

Ключевые слова:

КНР, Евразия, экономические интересы, геополитика, мировая система.

Для цитирования:

Балакин В.И. Перспективы экономического доминирования КНР на континенте Евразия // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 112–120. DOI: 10.31857/S013128120011440-5.

THEORY AND METHODOLOGY

The Perspectives of China's Economic Domination on Eurasia Continent

Vyacheslav Balakin

Ph.D. in Jurisprudence, leading researcher of the IFES RAS. E-mail: prof_bvi@mail.ru.

Abstract:

After disintegration of bipolar world the role of PRC in global and regional affairs had grown. That made some theoretical researches among Chinese experts to explore such important problems like state economic interests, national security, geostrategy of world and regional trade. Beijing has worked out long-term foreign-policy course, the essence of which can be interpreted like the formula: "Pacify West, lean against North, struggle for East and South". It's been considered that China as a State settled down in Eastern part of Eurasia is simply obliged to develop strategic partner relations with leading powers of Eurasian continent, such as Germany, Russia and India since only being in the process of "independent" and "joint" transformation with them China is able to become finally main motive strength in conditions of modified world system. Powerful economic potential affords Beijing to render noticeable influence on geopolitical situation in Eurasia and conduct independent foreign economic policy.

Key words:

The PRC, Eurasia, economic interests, geopolitics, world system.

For citation:

Balakin V.I. The Perspectives of China's Economic Domination on Eurasia Continent // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 112–120. DOI: 10.31857/S013128120011440-5.

То целое, что Китай собирается построить в Евразии, как предполагается, будет заметно больше, чем сумма его частей, и этому в значительной степени способствует весьма воинственный изоляционизм, предлагаемый администрацией США во главе с Дональдом Трампом, по сути оставляющий КНР значительный простор для геополитического маневра.

Защищая свои долгосрочные интересы на евро-азиатском континенте, но не имея при этом четко сформулированной стратегии, Вашингтон постепенно уступает Евразию своим основным конкурентам, что грозит США крупными и катастрофическими геополитическими последствиями тотального проигрыша Пекину и Москве¹.

Теория политического реализма утверждает, что любые проекты региональной интеграции устойчивы лишь в случае соблюдения баланса экономической взаимозависимости, а взаимовыгодное сотрудничество всегда приводит к формированию реальной устойчивости, которая не позволяет никому оспаривать существующий статус-кво. Фактически в своей экономической политике на евро-азиатском пространстве КНР исповедует сегодня диалектический принцип асимметричной взаимозависимости, что на самом деле представляет собой нарушение «баланса зависимости». То есть китайская сторона резервирует за собой право устанавливать благоприятные для себя экономические условия, а значит — получать политические уступки от своих партнеров. Иными словами, китайское государство усиливает свое внимание в отношении Евразии путем разрушения симметрии в экономических отношениях со странами региона, не давая им возможности диверсифицировать систему устоявшегося взаимодействия и жестко усиливая контроль над стратегическими рынками евро-азиатского континента.

Умышленно оставляя КНР простор для стратегического маневра в рамках евро-азиатского пространства, Вашингтон тем самым преследует вполне определенные геополитические цели, среди которых основной является стремление заставить Пекин «увязнуть» в объективно нерешаемых стратегических проблемах континента. Это, прежде всего, евроазиатская интеграция, диалектика которой выводит на повестку дня вопрос о формах единения суверенных государств. Китайские исследователи настаивают, что сегодня межгосударственная интеграция относится к сфере международных экономических отношений, в которой такая образующаяся совокупность государств оказывается реально способной приобретать признаки и свойства зрелой надгосударственной структуры². Данное явление отражает содержание международной экономической интеграции, под которым следует понимать парадигму взаимодействия заинтересованных государств, ведущую к последовательному их сближению, вплоть до формирования некой новой «большой системы», похожей на региональную «квазигосударственность». В США считают, что Китай, весьма увлекся стимулированием подобного сложного процесса созда-

-
1. *Luks, Leonid.* Eurasien aus neototalitärer Sicht — Zur Renaissance einer Ideologie im heutigen Russland. Aufsätze. Universität Köln Verlag. Totalitarismus und Demokratie, No. 1, 2014. S. 65 (63–76 s.). (In Deutsch).
 2. *Wen Jinyui.* ZhongMei Quanqui yu Yatai diqi anquan mubiao: [Параметры китайско-американской глобальной и азиатско-тихоокеанской безопасности]. Dongbei ya zhengzhi, No. 3. Dongbeiya luntan. Beijing, 2013. P. 10 (3–126 p.). (In Chinese).

ния из простейших экономических составляющих объединенного объекта своего геополитического доминирования в Евразии.

Необходимо понимать, что активные процессы региональной экономической интеграции практически никогда не бывают сугубо формальными, то есть субъективными, а носят объективный характер, толкая национальные государства к учреждению различных межгосударственных экономических объединений под воздействием глубинных исторических причин, иногда даже против воли правящих на данный конкретный момент элит. Традиционная китайская концепция достаточно глубоко рассматривает любую существующую государственность в качестве объективного феномена, представляющего собой универсальный интегрирующий фактор сначала внутри отдельной страны, а затем на региональном уровне, когда наиболее мощная государственность начинает доминировать над более слабыми соседними государственными образованиями. Межгосударственная экономическая интеграция последовательно вызывает из объективного взаимодействия существующих национальных государственных систем, которые к определенному моменту оказываются готовыми, а главное — способными поступиться некоторой частью своего суверенитета, в первую очередь касающегося региональных интересов, стимулирующих взаимное сближение. Каждая государственность предполагает согласованную парадигму сближения, предусматривающую стремление всей страны получить от этого сближения максимум экономических выгод и минимум политических обязательств, что в идеале всегда так или иначе уравнивается объективным взаимным интересом³. На всем евро-азиатском пространстве сложность общего интеграционного интереса выступает как исторически сложившиеся приоритеты каждой отдельно взятой государственности и ее цивилизационных традиций, играющих определяющую роль в сознании и мироощущении национальных элит.

Мудрость доминирующей национальной государственности (читай, китайской) в любом региональном интеграционном процессе определяется четкой ориентацией на добровольность предполагаемого объединения и проявляемым терпением при создании максимально благоприятных условий для каждого участника будущих совместных правовых институтов на континенте Евразия. КНР пытается предложить евро-азиатским странам в качестве возможной модели традицию собственной государственности, строительство которой в сфере экономики позволило бы повторить китайский успех последних лет. Китай рассчитывает, что влияние конфуцианской идеологии в формировании универсальных экономических институтов может стать весьма эффективным и даже определяющим для евро-азиатских элит, которые сторонились бы любых вариантов построения тесных экономических взаимоотношений с Западом. Китайская формула экономического роста при всех ее недостатках остается более понятной, а значит менее чреватой неожиданностями для евро-азиатских стран, поскольку позволяет достаточно безболезненно приспособлять к себе существующие местные особенности. Именно вышеупомянутый фактор сегодня играет ключевую роль в период, когда евро-азиатская интеграция выходит на повестку дня в условиях последовательно нарастающего цивилизационного противостояния между Востоком и Западом⁴.

Китайская экономическая стратегия региональной интеграции не внушает государствам Евразии таких опасений, как, например, напористое стремление США «загнуть» страны евро-азиатского региона в некое жесткое геополитическое партнерство,

3. *Yang Cheng*. The Eurasian Moment in Global Politics: A Comparative Analysis of the Big Powers' Strategy for Regional Integration. East China Normal University Publishers. Tianjin, 2014. P. 4 (29 p.).
4. *Masuda, Masayuki*. Chugoku gaiko to kokusai sistemu: [Внешняя политика Китая и международная система отношений]. Taiwan mondai, No. 4. Taibei, 2004. P. 83 (75–90 p.). (In Japanese).

покинуть которое в случае кардинального изменения реальной экономической ситуации будет скорее всего вряд ли возможно. Китайская интеграционная модель для евро-азиатского региона рассматривается в Пекине с точки зрения исключительной парадигмы комплексного экономического развития, способной объединить Евразию в рамках сложившихся традиционных принципов государственности. Реальная экономическая интеграция в китайской геополитике понимается, исходя из конфуцианского учения, как возможность держать под централизованным контролем практически все направления сохранения национального суверенитета или, иными словами, как совместное действие, точнее, взаимодействие различных потенциалов в целостном единении. Активно интегрирующиеся региональные государственности реально выглядят самоорганизующимися и по отношению к исходной китайской модели являются не просто новыми, но и заметно более упорядоченными, а также взаимосогласованными правовыми структурами⁵. В Пекине также считают, что начальные ступени любой экономической интеграции предполагают преодоление прежних устоявшихся принципов, укладов и особенностей осознания прошлой жизни внутри традиционной государственности.

По оценкам западных экспертов, китайский проект «Один пояс, один путь» со всей очевидностью представляет собой не что иное, как мощную предпосылку для доминирования КНР в Евразии, или на языке геополитики — последовательное вытеснение США с евразийского материка. Китай опасается американского противодействия на евро-азиатском континенте по многим причинам и, не в последнюю очередь, из-за потенциальной возможности со стороны президента США Дональда Трампа предпринять неожиданный политический маневр в сторону России, с тем чтобы не допустить формирования реального военно-политического альянса между Пекином и Москвой. Однако договоренности КНР и РФ в сфере экономики одновременно позволяют выстраивать достаточно эффективную идеологическую основу для ускорения интеграционных процессов в Евразии, придавать им серьезную смысловую ревалвацию, ориентированную на достижение взаимной ценовой стабильности, активизацию использования национальных валют во взаимных расчетах, жесткое поддержание сбалансированности бюджетных систем двух государств, повышение устойчивости национальных банковских систем. Потенциальный китайско-российский военно-политический альянс должен, как считают в Пекине и Москве, опираться, прежде всего, на внутренние источники финансирования национальных оборонных программ, ибо в обозримой перспективе окончательное вытеснение импорта реально обеспечит необходимое пространство для расширения спроса на отечественную продукцию в обеих странах⁶. Судя по всему, в ближайшее время никуда не уйти от решения вопроса о необходимости разработки единой стратегии по гармонизации национальных политик не только в оборонной сфере, но и в промышленной, сельскохозяйственной, научно-технической, энергетической, транспортной и других областях.

Явно вызревает необходимость сформировать серию совместных национальных инвестиционных проектов, включающих сооружение трансконтинентальных высокоскоростных транспортных железно- и автодорожных магистралей; окончательное оформление китайско-российского авиастроительного консорциума по выпуску авиационной техники практически всех типов и размеров с максимальным использованием технологического опыта и потенциалов таких инженерных школ, как «Илюшин», «Ту-

-
5. Zay, Christiane. China-Strategie 2015–2020: Strategischer Rahmen für die Zusammenarbeit mit China in Forschung. Referat: Zusammenarbeit mit Asien und Ozeanien. Bundesregierung, Bonn, 2015. S. 10 (17 s.). (In Deutsch).
 6. Zheng Yuisho. Zhongguo waijiao zhengce (Китайская внешняя политика). Hong Kong Changshidaxue chubanshe. Xyanggang, 2009. P. 19 (11–50 p.). (In Chinese).

полев», «Мясищев»; строительство континентальной сети трубопроводов, формирующих каркас евро-азиатского рынка углеводородов. КНР представляет собой в настоящее время естественный полюс притяжения для многих евро-азиатских государств, и Россия в этом списке не является исключением, уделяя особое внимание стимулирующей роли совместных институтов и норм в развитии китайско-российских экономических связей, повышая уровень взаимозависимости между двумя странами. При этом Китай и Россия, по мнению японских исследователей, последовательно фиксируют некую формулу, отражающую взаимную инициативу, а именно: оба государства выступают за создание всеобъемлющего евро-азиатского партнерства, основанного на принципах открытости, транспарентности и обоюдного учета самых значимых геополитических интересов⁷. Однако на практике создание наднациональных институтов далеко не всегда приводит к преодолению существующих противоречий между государствами и снижению транзакционных издержек при межгосударственном экономическом взаимодействии, примером чего может служить развитие различных многосторонних форматов в Евразии за последние два десятилетия, выступающих сегодня уже в качестве источников достаточно серьезных конфликтов.

С учетом развивающейся на пространстве Евразии множественности институциональных форматов и инициатив названная проблема становится все более актуальной, поскольку в значительной степени способствует политической, а, следовательно, и реальной экономической разделенности евро-азиатского континента, порождает своеобразную «конкуренцию форматов», а значит и конкуренцию концепций и повесток региональной интеграции. Это в любом случае неизбежно превращает реализацию подобных инициатив в процесс жесткого столкновения эгоистических интересов ведущих глобальных и региональных держав, неизбежно ослабляет стартовый потенциал даже самых выверенных интеграционных проектов как инструментов укрепления международного сотрудничества в Евразии. Выдвижение проектов межрегиональных экономических соглашений на евро-азиатском пространстве постепенно становится достаточным стимулом для усиления «конкуренции регионализмов», по сути дела превращающимся в борьбу за состояние будущего нормативного пространства, способного регулировать универсальную модель интеграционного взаимодействия в Евразии. Вместе с тем руководство КНР полагает, что менее структурированные инвестиционные проекты способны более эффективно решать задачу преодоления жесткой «конкуренции регионализмов», ибо гибкость интеграционной повестки ощутимо снижает международный конфликтный потенциал, маскируя корыстные цели страны-инициатора и предлагая заведомо более размытый формат сотрудничества, который позволяет заинтересованным партнерам продемонстрировать некое добровольное «соучастие» в интеграционных процессах⁸. Предлагаемая Китаем институциональная площадка форума «Один пояс, один путь» наглядно показывает, что подобные мега-инициативы сохраняют высокую степень гибкости и вбирают в себя новые инициативы, позволяющие адаптироваться к происходящим геополитическим изменениям.

Регионализация международной торговли на континенте Евразия не могла не привести к регионализации ее регулирования и развитию множества разнообразных форматов политического и экономического сотрудничества, ориентированных на формирование универсальной институциональной надстройки в рамках вызревающей китайской интеграционной программы для Евразии. Названная программа Китая пока не является в

7. *Takahara, Akio*. Chugoku no gaiko seisaku: [Внешняя политика Китая]. Tokyo kokuritsu daigaku seiji gakubu repoto, No. 684. Tokyo, 2010. P. 49 (47–50 p.). (In Japanese).

8. *Hirose, Yoko*. Yurasia togo no riso to genjitsu: [Концепция и реальность евроазиатского единения]. Gaikoku no rippo, No. 4. Mirai kenkyusyo. Niigata, 2013. P. 99 (95–117). (In Japanese).

полной мере интеграционным объединением, оставаясь проектом в лучшем случае обширной зоны свободной торговли без наднациональной надстройки и допускающей присоединение новых евро-азиатских государств только с прицелом на удовлетворение их объективных запросов на интеграцию. Основой для реализации проекта КНР «Один пояс, один путь» могла бы стать наработка политической и экономической базы взаимодействия с Россией, в частности масштабного использования потенциала китайско-российского геостратегического сотрудничества на просторах Большой Евразии. Китайское руководство считает, что российская вовлеченность в евро-азиатские интеграционные процессы пока остается явно недостаточной, даже несмотря на определенное повышение в последние годы уровня и глубины участия России в ключевых международных институтах на континенте Евразия⁹. Стратегия Китая по реализации инициативы «Один пояс, один путь» имеет в качестве макроцели формирование всеобъемлющего евро-азиатского партнерства, что, безусловно, предполагает укрепление Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как одной из основных несущих институциональных опор Большой Евразии и важнейшего инструмента продвижения российских национальных интересов именно в геополитическом диалоге с КНР.

Китайско-российское взаимодействие на самом крупном континенте Земли заметно тревожит «мирового гегемона» в лице Соединённых Штатов Америки, поскольку в Евразии не в мечтах, а на практике разворачиваются грандиозные проекты обустройства государств и народов, создания по сути глобальной транспортной инфраструктуры, освоения новых источников энергетических и сырьевых ресурсов, природных богатств арктических регионов. Власти США рассматривают китайский геополитический проект «Экономический пояс Шелкового пути» не только и не столько как наращивание потенциала углубленного межрегионального сотрудничества в рамках евро-азиатского пространства, сколько как проект тесного соразвития стран региона под активным и достаточно эффективным китайским контролем¹⁰. По мнению международных экспертов, в настоящее время в силу уникального стечения международных политических и экономических обстоятельств как раз и возник решающий момент в становлении евро-азиатской интеграции, позволяющий реализовать потенциал более тесного сотрудничества и совместного развития стран Евразии. Несмотря на американские надежды внести раскол в китайско-российское стратегическое взаимодействие, из этого вряд ли что-либо получится, так как Китай и Россия объективно не могут стать реальными конкурентами на евразийском континенте. На глазах администрации США начинает воплощаться в жизнь геополитическая концепция Пекина и Москвы о тесном сопряжении трансевразийского инфраструктурного проекта «Один пояс, один путь» и Евразийского экономического союза.

В геополитической динамике современного континента Евразия значительно возросли экономические роль и значение Китая и России, но у каждого из названных государств присутствует собственное видение путей и методов реализации своих национальных интересов. Геополитический сдвиг на евро-азиатском пространстве неизбежно будет предопределять глобальную стабильность и мировой стратегический баланс, который потребует от Пекина и Москвы не только наращивания совокупной экономической мощи, но и ясного структурирования взаимного военного сотрудничества. Китайская и российская стороны вынуждены будут тщательно сдерживать политические амбиции США, прежде всего в Азии, поскольку Вашингтон не может «без потери лица» смириться со своей угасающей ролью, опасаясь утраты доверия ключевых союз-

9. Chase, Michael S. Russia-China Relations: assessing common ground and Strategic fault lines. The National Bureau of Asian Research. Special Report. Seattle, 2017. P. 40 (49 p.).

10. Shubert, Jeff. New Eurasien Age: China's Silk Road and the EAEU in SCO space. Chinese Quarterly of International Strategic Studies. Volume 02, Issue 04. Beijing, 2016. P. 91 (107 p.).

ников в лице Японии и Республики Корея¹¹. Кроме того, КНР и РФ намерены последовательно искать реальную альтернативу «заточенной» под американские интересы западной системе глобальных финансов и систем региональной экономической безопасности в различных районах земного шара. Китай и Россия сегодня отрицают намерение построить стратегический альянс под единым командованием, но это отнюдь не означает, что взаимодействие в критических сферах не будет детально согласовываться, так как постоянный идеологический прессинг со стороны западной цивилизации объективно заставляет Пекин и Москву вырабатывать конкретные меры противодействия ad hoc (на каждый конкретный случай), а это в современном мире не менее эффективный инструмент геополитической борьбы.

Современные китайско-американские отношения, по оценкам китайской стороны, характеризуются существенной неустойчивостью, препятствующей налаживанию взаимовыгодного сотрудничества, особенно в экономической сфере, где состоялся реальный крах идеи запуска своеобразного механизма под названием *Chimerica*, планировавшегося американцами как некий стратегический союз между экономиками США и Китая — «производителя-кредитора и потребителя-должника». Пекин весьма негативно отнесся к попыткам США навязывать какие-либо союзы, подчеркнув при этом свое желание проводить независимую внешнюю политику и не присоединяться ни к каким международным геополитическим альянсам, поскольку глобальные проблемы должны решаться всеми, а не одним или двумя государствами. На подобную позицию КНР явно повлияло заметное ослабление глобальной мощи США, вызванное серьезными финансовыми проблемами, что напрямую сказалось на американских военно-политических возможностях, по сути дела серьезно ограничивших способности Вашингтона силовым образом реагировать на неожиданно возникающие острые критические ситуации¹². Одновременно произошло значительное наращивание комплексной национальной мощи Китая, что заметно повысило его влияние и авторитет в мире, дало Пекину шанс претендовать не на вспомогательную роль во взаимоотношениях с США, а на вполне устойчивую позицию второй крупнейшей глобальной державы. На настоящий момент по всем основным экономическим показателям КНР успешнее других стран справляется с возникающими кризисными явлениями и тем самым заставляет Вашингтон постепенно осознавать, что китайская позиция впредь будет твердо и бескомпромиссно отстаиваться на основе ключевых национальных интересов.

Названный подход явно обострил одну из основных тем китайско-американских отношений, связанную со взаимными обвинениями в протекционизме, когда США открыто обвиняют КНР в субсидировании экспорта и умышленном демпинге по ряду важнейших товарных позиций, инициируя судебные разбирательства с использованием процедур ВТО. В последние годы акцент американских антидемпинговых обвинений стал последовательно смещаться в направлении китайской наукоемкой продукции и товаров с высокой степенью переработки, при этом в ходе подобных расследований соответствующие органы ВТО под нажимом американской стороны неправомерно использовали в антидемпинговых расследованиях несогласованные методики и критерии оценки. Китайская сторона постоянно жалуется на попытки США блокировать инвестиционные проекты китайских компаний под надуманными предлогами угрозы американской национальной безопасности, для чего введено жесткое лицензирование отдельных инвестпроектов

11. *Koshigi, Seifu*. Shinjidai no Nikkan kyoryoku: [Японо-южнокорейское сотрудничество в новую эпоху]. Nikkan shinjidai kenkyusyo no repoto. Tokyo, 2013. P. 72 (95 p.). (In Japanese).

12. *Braml, Martin; Felbermayr, Gabriel*. Handelskrieg und seine Folgen: Ist WTO am Ende? Zur Diskussion Gestellt. Ludwig-Maximilians Universität Verlag. München, 2018. S.2018 (29 s.). (In Deutsch).

из КНР¹³. В противостояние с Китаем часто вступают отдельные американские политические деятели, государственные органы или даже отдельные американские корпорации, активно эксплуатирующие тезис о китайской угрозе для блокирования китайского экспортного потенциала на территории США, а также прямых китайских инвестиций в американскую промышленность. За провозглашаемой китайской угрозой национальным интересам США зачастую скрывается элементарное и очень откровенное противодействие мощному конкуренту, особенно в важнейшей сфере информационных технологий и кибербезопасности.

КНР откровенно стремится к экономическому доминированию на континенте Евразия, рассчитывая сформировать там новую модель международного развития, а также подготовить серьезные предпосылки для перехода к некой коллективной форме глобального лидерства, опираясь на консервативные идеи такого международного института, как G-20. Речь идет о возрастании роли ресурсно-сырьевого потенциала как объекта мировой конкуренции и глобальной ответственности, а также значимости регионов, располагающих ресурсами, росте влияния человеческого и демографического факторов на изменение качества и структуры мирового рынка труда и потребления. Китай полагает, что новые вызовы для экономической системы Евразии обусловлены двумя основными проблемами: усугубляющимся дефицитом природных ресурсов и резким увеличением численности в мире среднего класса за счет демографически доминирующих развивающихся стран¹⁴. Первая проблема приводит к возрастанию геополитического значения основных экспортеров ресурсов, таких как Россия и Иран, которые могут диктовать свои условия, что повышает степень противостояния и риск давления с их стороны на покупателей ресурсов из развитых стран. Вторая проблема тоже выглядит достаточно актуально, поскольку в ближайшие 20 лет население Земли увеличится на 3 млрд человек, а это неизбежно отразится на глобальном потреблении ресурсов, а также на структуре мирового производства и потребления.

Последовательное снижение ценностей западной идеологии и экономического потенциала коллективного Запада создают очевидные условия для торгово-экономической войны на различных театрах действий между развитыми и развивающимися странами, что предоставляет Пекину поистине уникальную возможность стать монопольным геополитическим игроком в рамках важнейшего для него евроазиатского пространства.

Литература / References

- Braml, Martin; Felbermayr, Gabriel.* Handelskrieg und seine Folgen: Ist WTO am Ende? Zur Diskussion Gestellt. Ludwig-Maximilians Universität Verlag. München, 2018. (In Deutsch).
- Chase, Michael S.* Russia-China Relations: assessing common ground and Strategic fault lines. The National Bureau of Asian Research. Special Report. Seattle, 2017.
- Hirose, Yoko.* Yurasia togo no riso to genjitsu: [Концепция и реальность евроазиатского единения]. Gaikoku no rippo, No. 4. Mirai kenkyusyo. Niigata, 2013. (In Japanese).
- Koshigi, Seifu.* Shinjidai no Nikkan kyogyoku: [Японо-южнокорейское сотрудничество в новую эпоху]. Nikkan shinjidai kenkyusyo no repoto. Tokyo, 2013. (In Japanese).
- Luks, Leonid.* Eurasien aus neototalitärer Sicht — Zur Renaissance einer Ideologie im heutigen Russland. Aufsätze. Universität Köln Verlag. Totalitarismus und Demokratie, No. 1, 2014. (In Deutsch).

13. *Wei Jiankangkai, Xu Zheng.* Meiguo chukou guanzhi gaige de lingzheng qinbao fenxi (Competitive Intelligence Analysis of U.S. Export Control Reform). Qingbao zazhi (Journal of Intelligence). Vol. 38, No. 4. Zhongguo zhengfa daxue chubanshe. Beijing, 2019. P. 6 (8 p.). (In Chinese).

14. *Umehara, Naoki.* Chugoku "Ittai, Ichiro" koso no tokucho to kongo ni-tsuite: [Об особенностях китайской идеи «Один пояс, один путь» и что будет дальше]. Kokusai tsuka kenkyusyo. Newsletter, No. 11. Tokyo, 2017. P. 4 (14 p.). (In Japanese).

- Masuda, Masayuki.* Chugoku gaiko to kokusai sistemu: [Внешняя политика Китая и международная система отношений]. Taiwan mondai, No. 4. Taipei, 2004. (In Japanese).
- Shubert, Jeff.* New Eurasien Age: China's Silk Road and the EAEU in SCO space. Chinese Quarterly of International Strategic Studies. Volume 02, Issue 04. Beijing, 2016.
- Takahara, Akio.* Chugoku no gaiko seisaku: [Внешняя политика Китая]. Tokyo kokuritsu daigaku seiji gakubu repoto, No. 684. Tokyo, 2010. (In Japanese).
- Umehara, Naoki.* Chugoku "Ittai, Ichiro" koso no tokucho to kongo ni-tsuite: [Об особенностях китайской идеи «Один пояс, один путь» и что будет дальше]. Kokusai tsuka kenkyusyo. Newsletter, No. 11. Tokyo, 2017. (In Japanese).
- Wei Jiankangkai, Xu Zheng.* Meiguo chukou guanzhi gaige de lingzheng qinbao fenxi (Competitive Intelligence Analysis of U.S. Export Control Reform). Qingbao zazhi (Journal of Intelligence). Vol.38, No. 4. Zhongguo zhengfa daxue chubanshe. Beijing, 2019. (In Chinese).
- Wen Jianyui.* ZhongMei Quanqi yu Yatai diqi anquan mubiao: [Параметры китайско-американской глобальной и азиатско-тихоокеанской безопасности]. Dongbei ya zhengzhi, No. 3. Dongbeiya luntan. Beijing, 2013. (In Chinese).
- Yang Cheng.* The Eurasian Moment in Global Politics: A Comparative Analysis of the Big Powers' Strategy for Regional Integration. East China Normal University Publishers. Tianjin, 2014.
- Zay, Christiane.* China-Strategie 2015–2020: Strategischer Rahmen für die Zusammenarbeit mit China in Forschung. Referat: Zusammenarbeit mit Asien und Ozeanien. Bundesregierung. Bonn, 2015. (In Deutsch).
- Zheng Yuisho.* Zhongguo wajjiao zhengce (Китайская внешняя политика). Hong Kong Changshi daxue chubanshe. Xygang, 2009. (In Chinese).